

ВИРДЖИНИЯ ВУЛФ

ВИРДЖИНИЯ ВУЛФ

На маяк

МОСКВА
2017

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
В88

Virginia Woolf
TO THE LIGHTHOUSE

Перевод с английского Е. Суриц

Серия «Pocketbook»

Оформление А. Саукова

В оформлении обложки использована
репродукция картины «Noonday Sunlight» (1918)
художника Charles Courtney Curran (1861—1942)

Серия «100 главных книг»

Оформление Н. Ярусовой

Вулф, Вирджиния.

В88 На маяк : роман / Вирджиния Вулф ; [пер.
с англ. Е. Суриц] — Москва : Издательство «Э»,
2017. — 288 с.

ISBN 978-5-699-94292-3 (Pocketbook)

ISBN 978-5-699-94296-1 (100 главных книг)

Вирджиния Вулф (1882—1941) — британская писательница, яркая представительница модернистского направления в литературе, входившая в знаменитый кружок Блумсбери, автор романов, ставших классикой «потока сознания». Утонченность, ирония, эмоциональность свойственны произведениям В. Вулф.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-94292-3
ISBN 978-5-699-94296-1

© Е. Суриц, перевод, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

I

У ОКНА

1

— Да, непременно, если завтра погода будет хорошая, — сказала миссис Рэмзи. — Только уж встать придется пораньше, — прибавила она.

Ее сына эти слова невероятно обрадовали, будто экспедиция твердо назначена и чудо, которого он ждал, кажется, целую вечность, теперь вот-вот, после ночной темноты и дневного пути по воде, наконец совершится. Принадлежа уже в свои шесть лет к славному цеху тех, кто не раскладывает ощущений по полочкам, для кого настоящее сызмальства тронуту тенью нависшего будущего и с первых дней каждый миг задержан и выделен, озарен или отуманен внезапным поворотом чувства, Джеймс Рэмзи, сидя на полу и вырезая картинки из иллюстрированного каталога Офисерского магазина, при словах матери наделил изображение ледника небесным блаженством. Ледник оправился в счастье. Тачка, газонокосилка, плеск поседевших, ждущих дождя то-

полей, грай грачей, шелест швабр и платьев — все это различалось и преображалось у него в голове, уже с помощью кода и тайнописи, тогда как воплощенная суровость на вид, он так строго поглядывал из-под высокого лба свирепыми, безупречно честными голубыми глазами на слабости человечества, что мать, следившая за аккуратным продвижением ножниц, воображала его вершителем правосудия в горностаях и пурпуре либо вдохновителем важных и неумолимых государственных перемен.

— Да, но только, — сказал его отец, остановившись под окном гостиной, — погода будет плохая.

Окажись под рукой топор, кочерга или другое оружие, каким бы можно пробить отцовскую грудь, Джеймс бы его прикончил на месте. Так выводило детей из себя само присутствие мистера Рэмзи; когда он так вот стоял, узкий, как нож, острый, как лезвие, и саркастически усмехался, не только довольный тем, что огорчил сына и выставил в глупом свете жену, которая в сто тысяч раз его во всех отношениях лучше (думал Джеймс), но и тайно гордясь непогрешимостью своих умозаключений. То, что он сказал, была правда. Вечно была правда. На неправду он был неспособен; никогда не подтасовывал фактов; ни единого слова неприятного не мог опустить ради пользы или удовольствия любого из смертных, тем паче ради детей, которые, плоть от плоти его, с младых ногтей обязаны были помнить, что жизнь — вещь нешуточная; факты неумолимы; и

путь к той обетованной стране, где гаснут лучезарнейшие мечты и утлые челны гибнут во мгле (мистер Рэмзи распрямился и маленькими сощуренными голубыми глазками обшаривал горизонт), путь этот прежде всего требует мужества, правдолюбия, выдержки.

— Но погода еще, может быть, будет хорошая — я надеюсь, она будет хорошая, — сказала миссис Рэмзи и несколько нервно дернула красно-бурый чулок, который вязала. Если она с ним управится к завтраму, если они в конце концов выберутся на маяк, она подарит чулки зрителю для сынишки с туберкулезом бедра; прибавит еще газет, табаку, да и мало ли что еще тут валяется, в общем-то без толку, дом захламляет, и отправит беднягам, которым, наверное, до смерти надоело день-деньской только и делать, что начищать фонарь, поправлять фитиль и копошиться в крохотном садике — пусть хоть немного порадуются. Да, вот каково это — месяц, а то и дольше быть отрезанным на скале с теннисную площадку размером? Не получать ни писем, ни газет, не видеть живой души; женатому — не видеть жену, не знать про детей, может, они заболели, руки-ноги переломали; день за днем смотреть на пустые волны, а когда поднимается буря — все окна в пене, и птицы насмерть разбиваются о фонарь, и башню качает, и носа наружу не высунешь, не то тебя смочет. Вот ка-

ково это? Как бы вам такое понравилось? — спрашивала она, адресуясь в основном к дочерям. И совсем по-другому добавляла, что надо чем можно стараться им помочь.

— Резко западный ветер, — сказал атеист Тэнсли, сопровождавший мистера Рэмзи на вечерней прогулке туда-сюда, туда-сюда по садовой террасе, и, растопырив костлявую пятерню, пропустил ветер между пальцев. То есть, иными словами, самый что ни на есть неудачный ветер для высадки у маяка. Да, он любит говорить неприятные вещи, миссис Рэмзи не отрицала; и что за манера соваться, вконец огорчать Джеймса; но все равно она его не даст им в обиду. Атеист. Тоже — прозвище. Атеистишка. Роза его дразнит; Пру дразнит; Эндрю, Джеспер, Роджер — все его дразнят; даже Таксик, старикашка без единого зуба, и тот его тяпнул за то (по заключению Нэнси), что он сто десятый молодой человек из тех, кто погнался за ними вслед до самых Гебридов, а ведь как бы славно побыть тут одним.

— Вздор, — очень строго сказала миссис Рэмзи.

И дело даже не в склонности к преувеличениям, которая у детей от нее, и не в намеке (справедливом, конечно) на то, что она слишком много народу приглашает к себе, а надо бы размещать в городке, но она не позволит нелюбезного отношения к своим гостям, осо-

бенно к молодым людям, которые бедны как церковная крыса, «способностей необыкновенных», муж говорил; от души ему преданы и приехали сюда отдохнуть. Впрочем, она вообще брала под крыло представителей противоположного пола; она не собиралась объяснять почему — за рыцарство, доблесть, за то, что составляют законы, правят Индией, управляют финансами, в конце концов, за отношение к ней самой, которое женщине просто не может не льстить, — такое доверчивое, мальчишеское, почтительное; которое старая женщина вполне может позволить юнцу, не роняя себя; и беда той девушке — не дай бог такого кому-нибудь из ее дочерей, — которая этого не оценит и не почувствует нутром, что за этим стоит.

Она строго одернула Нэнси. Он за ними не гнался. Его пригласили.

Из всего этого как-то надо было выпутываться. Есть, наверное, простой, менее изнурительный путь. Она вздохнула. Когда смотрелась в зеркало, видела впалые щеки, седые волосы в свои пятьдесят, она думала, что, наверное, можно бы и ловчее со всем этим управляться: муж; деньги; его книги. Но зато себя лично ей не в чем упрекнуть — нет, никогда ни на секунду она не пожалела о взятом решении; не избегала трудностей; не пренебрегала своим долгом. Вид у нее был грозный, и дочери — Пру, Нэнси, Роза, — подняв глаза от тарелок

после того, как им досталось за Чарльза Тэнсли, только молчком могли предаваться своим предательским любимым идеям насчет другой жизни, совсем не такой, как у нее; возможно, в Париже; повольтотней; не в вечных хлопотах о ком-то; потому что поклонение, рыцарство, Британский банк, Индийская империя, перстни, жабо в кружевах были, честно сказать, у них под сомнением, хотя все это и сопрягалось в девичьих сердцах с представлением о красоте и о мужественности и заставляло, сидя за столом под взором матери, уважать ее странную строгость правил и эти ее преувеличенные понятия об учтивости (так королева поднимает из грязи ногу нищего и обмывает), когда она строго их одернула из-за несчастного атеистички, который погнался за ними — или, если точнее сказать, — был приглашен погостить у них на острове Скай.

— Завтра у маяка нельзя будет высадиться, — сказал Чарльз Тэнсли и хлопнул в ладоши, стоя под окном рядом с ее мужем. В самом деле, кажется, он достаточно высказался. Пора бы уж, кажется, оставить их с Джеймсом в покое; пусть бы продолжали беседовать. Она на него посмотрела. Жалкий экземпляр, говорили дети, сплошное недоразумение. В крикет играть не умеет; горбится; шаркает. Злая ехидна, — говорил Эндрю. Они раскусили, что ему в жизни нужно одно — вечно взад-вперед про-

гуливаться с мистером Рэмзи и толковать, кто обосновал то, кто доказал это, кто тоньше всех понимает латинских поэтов, кто «блестящ, но, полагаю, недостаточно основателен», кто несомненно «одареннейший человек в Бейллиоле», кто покамест прозябает в Бедфорде или в Бристоле, но о нем еще заговорят, когда его Прологомены (мистер Тэнсли захватил с собою первые страницы машинописи на случай, если мистер Рэмзи захочет взглянуть) к какой-то области математики или философии будут опубликованы.

Она сама иной раз еле удерживалась от смеха. На днях она что-то сказала насчет «несусветных волн». «Да, — сказал Чарльз Тэнсли, — море несколько беспокойно». — «Вы промокли насквозь, не правда ли?» — сказала она. «Промок, но не то чтоб насквозь», — отвечал мистер Тэнсли, ощутив носки и ущипнув себя за рукав.

Но, дети говорили, злит их другое. Дело не во внешности; не в повадке. В нем самом — в его понятиях. О чем ни заговоришь — об интересном, о людях, о музыке, об истории, да о чем угодно, мол, теплый вечер, и почему бы не погулять, Чарльз Тэнсли, — вот что несносно, — пока как-то так не передернет, не сведет на себя, не принизит тебя, не обозлит этой своей гадкой манерой дух из всего выколачивать — он ведь не уймется. И в картинной галерее он

будет спрашивать, — они говорили, — как тебе нравится его галстук. А уж какое там нравится, — прибавляла Роза.

Крадучись, как холостяки после званого обеда, сразу после еды восемь сыновей и дочерей мистера и миссис Рэмзи разбрелись по комнатам, по своим крепостям в доме, где иначе ничего не обсудишь тишком: галстуки мистера Тэнсли; прохожденые реформы; морских птиц; бабочек; ближних; а солнце меж тем затопляло мансарды, разделенные дощатыми переборками, так что каждый шаг отчетливо слышался, и рыданье юной швейцарки, у которой отец умирал от рака в долине Граубюндена, подпаляло крикетные биты, спортивные брюки, канотье и чернильницы, этюдники, мошек, черепа мелких птиц и выманивало запах соли и моря из длинных, бахромчатых, повешенных на стены водорослей, а заодно из набравшихся им после купанья вместе с песком полотенец.

Споры, распри, несоответствия взглядов, заскоки — куда от них денешься, да только уж зачем с ранних лет, — огорчалась миссис Рэмзи. До чего они непримиримы — ее дети. Мелют вздор. Она шла из столовой, ведя за руку Джеймса, не пожелавшего присоединиться ко всем. Что за бред — сочинять несоответствия, когда, слава Богу, и без того никакой гармонии нет. В жизни хватает, очень даже хватает

настоящих несоответствий, — думала миссис Рэмзи, остановясь в гостиной подле окна. Она имела в виду богатых и бедных; высокое и низкое происхождение; и волей-неволей ей приходилось отдавать должное знатности; ведь разве не текла в ее жилах кровь весьма высокого, хоть и несколько мифического итальянского рода, чьи дочери, рассеясь по английским гостиним в девятнадцатом веке, умели так сладостно ворковать, так неистово вскидываться, и разве свое остроумие, всю повадку и нрав она взяла не от них? Не от сонных же англичанок, не от льдышек-шотландок; но сейчас ее больше волновало другое — богатство и бедность, то, что она видела собственными своими глазами, еженедельно, ежедневно, здесь в Лондоне, когда посещала то вдову, то загнанную мать — сама, с корзинкой в руке, с пером и блокнотом, в который аккуратными столбиками заносила жалованья и расходы, периоды найма и безработицы, надеясь таким манером из обычной женщины, занимающейся филантропией (примочка к больной совести, средство для ублажения любопытства), сделаться тем, что в простоте души она ставила так высоко — исследователем социальных проблем.

Вопросы это неразрешимые, — так ей сдавалось, когда, держа за руку Джеймса, она стояла у окна. Он потащился за нею следом в гостиную, — молодой человек, над которым все

потешались; стоял возле стола, что-то неловко перебирал, чувствовал себя изгоем — она знала, не оборачиваясь. Все они ушли — ее дети; Минта Доил и Пол Рэйли; Август Кармайкл; ее муж, — все ушли. Вот она и повернулась со вздохом и сказала:

— Вам не скучно будет меня сопровождать, мистер Тэнсли?

У нее разные неинтересные дела в городе; еще надо написать несколько писем; она будет минут через десять; надо шляпу надеть. И через десять минут она явилась с корзинкой и зонтиком, давая понять, что готова, снаряжена для прогулки, которую, однако, ей пришлось прервать на минуточку, огибая теннисный корт, чтобы спросить у мистера Кармайкла, который грелся на солнышке, приоткрыв желтые кошачьи глаза (и, как в кошачьих глазах, в них отражалось качание веток и ток облаков, но ни единой мысли, ни чувства), не надо ли ему чего.

Они затеяли грандиозную вылазку, — сказала она смеясь. Отправляются в город. «Марок, бумаги, табаку?» — предлагала она, останавливаясь с ним рядом. Но нет, оказалось, ему ничего не нужно. Он пожимал собственное объемистое брюшко, моргал, словно и рад бы ответить любезно на ее угожденья (она говорила искусительно, хоть и чуть-чуть нервничала), но не мог пробиться сквозь серо-зеленую

сонь, которая все обволакивала, отнимая слова, летаргией сплошного доброжелательства; весь дом; весь свет; всех на свете, — потому что за ланчем он накапал-таки в стакан несколько капель, которыми и объяснялись, думали дети, ярко-канареечные разводы на бороде и усах, собственно, белых как лунь. Ему ничего не нужно, — бормотнул он.

Из него бы вышел великий философ, — говорила миссис Рэмзи, когда они спускались по дороге в рыбацкий поселок, — но он неудачно женился. — Очень прямо держа черный зонтик и странно устремляясь вперед, так, словно вот сейчас, за углом, кого-то встретит, она рассказывала; история с одной девицей в Оксфорде; ранний брак; бедность; потом он поехал в Индию; немного переводил стихи, «кажется, дивно», брался обучать мальчишек персидскому, не то индустани, но кому это нужно? — и вот, пожалуйста, как они видели, — на травке лежит.

Он был польщен; его обидели, и теперь его утешало, что миссис Рэмзи ему такое рассказывает. Чарльз Тэнсли воспрял духом. И, намекнув на величие мужского ума даже в упадке и на то, что жены должны — (против той девицы она как раз ничего не имела, и брак был довольно удачный, кажется) — все подчинять трудам и заботам мужей, она вселила в него еще неизведенное самоуважение, и он рвался,